

Анна Фролова

Эстетика аутсайдерства в современной детской литературе¹

Вся современная русская литература испытывает интерес к исследованию маргинального. Ситуация отверженности может порождаться разными причинами: телесным состоянием, социальным статусом, национальной идентичностью и пр. Внимание к этой проблеме объясняется высокой степенью конфликтности современного российского общества, отсутствием единого ценностного поля. Детская литература тоже откликается на эту ситуацию, исследуя фигуру отверженного ребенка. Авторская стратегия очевидна: необходимо преодолеть стереотип восприятия аутсайдера, естественно социализовать его.

Ключевые слова: детская литература, аутсайдерство, школьная повесть, герой-подросток

Детская литература сегодня, по замечанию Н. Барковской, «не обочина литературного поля, а самый его центр, где разыгрываются самые острые конфликты и ведутся наиболее интенсивные поиски их разрешения» (Барковская 2014: 140). Возрастающее внимание к этому пласту литературы объясняют сложностью диалога отцов и детей, связанной с отличием жизненного и культурного опыта, обострением проблем семьи, тревогой родителей за нечитающее поколение и пр. Детская литература, естественно погружая юного читателя в круг близких ему интересов и впечатлений, призвана «доставлять ребенку эстетическое наслаждение и способствовать формированию его личности» (Арзамасцева 1997: 7).

Одним из самых ожидаемых объектов исследования становится современная школа – больной вопрос для всего общества, центр притяжения сил и эмоций. Стало привычным обращаться к школьной теме через призму личного опыта, что позволяет провести «своеобразное сканирование этапов взросления целого поколения» (Черняк 2010: 14). Современная школьная повесть стала «жестче, предельно реалистичнее, ее основная цель – изображение реального мира и его проблем, а не идеализация окружающего, в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00476 А «Эстетическая новизна и литературность как проблемы теории и творческой практики XX века: авангардизм 1920–1930-х гг. и постмодернизм 1970–1980-х гг.».

ней нет установки на создание образца для подражания, идеального героя, наоборот, герой должен быть предельно жизнеподобен, узнаваем» (Кутейникова 2017: 92).

Обратимся к нескольким произведениям детской литературы последних лет. Название книги Тани Беринг и Любви Романовой «Детки» (2014) неоднозначное, оно может быть прочитано и с умиленно-снисходительной интонацией, и с осуждающе-горькой. Дизайн обложки, выполненный в стиле книг Стивена Кинга, побуждает склониться ко второму варианту: испуганный мальчик, прячущийся в траве от преследующих его фигур в сером. Последние иллюзии развеивает аннотация: «Тот, кто называет школьные годы самым безоблачным временем в своей жизни, либо врет, либо страдает расстройством памяти. Авторы этой книги не собираются вводить вас в заблуждение. “Детки” – это три остросюжетные истории, которые сложно назвать безоблачными. Каждая из них основана на реальных событиях из жизни подростков» (Беринг, Романова 2014).

В рассказе «Мой ласковый и нежный тролль» эксплуатируется традиционный для школьной повести ход – перевод героя в новую школу и необходимость пройти социальную адаптацию, сделать незнакомое и чужое пространство обжитым и своим. В произведении Тани Беринг в девятый класс престижной гимназии приходят два новых ученика. Представляя их классу, учитель сразу расставляет показательные акценты: «Варвара училась в одной из школ спального района, по-моему, в Щербинке, а Аарон приехал из Англии» (Беринг, Романова 2014: 31). Если вспомнить советскую школьную повесть, то в ней учитель тоже говорил о том, из какой школы прибыли новые ученики, однако в рассказе Беринг эта информация приобретает статус характеристики. Социальный акцент оказывается определяющим и в отношении класса к героям, и в их самооощении.

Варвара – талантливая, целеустремленная натура, сама сдала сложное тестирование в престижную школу, чтобы иметь хоть какую-то перспективу поступления в медицинский вуз. Она мечтает стать врачом по личным причинам: неизлечимая болезнь младшего брата перевернула жизнь семьи (уходит, не выдержав, отец, мать из-за нервного истощения попадает в больницу, в семье скромный материальный достаток). Варвара относится к числу тех учеников, кто «делает школе рейтинг», однако это не приносит ей уважения одноклассников. Главным для них становится «раритетная модель» телефона, вязаный свитер, немодные туфли, Варя в их глазах «нищевродка». Героиня держит удар, однако мучается невысказанными сомнениями и вопросами, понятными любому подростку: почему ее семья живет так скромно, как идти на свидание с самым модным мальчиком школы, если у тебя нет «брендовых» вещей, как позвать его в гости в маленькую квартиру и пр. Автор не идеализирует героиню, а показывает сложность ее выбора. Варя устраивается на работу в Макдональдс, чтобы отдать деньги за рок-концерт, и в то же время лжет одноклассникам, матери, была близка к краже дорогой одежды.

Как и во многих произведениях современной детской литературы, в рассказе Т. Беринг проблемы героев-подростков взрослыми либо игнорируются, либо обесцениваются, а зачастую усугубляются. Социальное неравенство в престижной гимназии учителями воспринимается как должное. Так, классная руководительница в стремлении быть «суперсовременной учительницей» организует поход класса на рок-концерт. Она даже не сомневается, что родители, «в конце концов, найдут <...> две тысячи» (Беринг, Романова 2014: 36). Директор школы больше всего озабочен рейтингом школы, а не атмосферой в ней и взаимоотношениями учеников. Конфликт между Варей и Аароном решается в пользу последнего, ведь тот оказался в этой гимназии «просто потому, что так решил его папа» (Беринг, Романова 2014: 32). Оказывается, что доказывать право на пребывание в престижной школе нужно победительнице олимпиад «Варваре Снежиной из Спального Района», а не сыну политика.

В отличие от семьи Вари, в семье Аарона «все как положено»: мать «красивая, стильная» «блондинка без возраста», состоятельный отец. У них «обоюдный» грех: Аарон – сын любовника матери (состояться их браку помешала его бедность), у отца есть внебрачная дочь. Все возникающие проблемы решаются оперативно с помощью денег. Семейная беспринципность своеобразно преломляется в Аароне: уверенный в том, что «выживает сильнейший», он становится «троллем». Троллинг – форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации. Ради развлечения Аарон провоцирует ряд скандалов, приведших к отчислению двух учеников из школы, падению рейтинга гимназии. Варя сама становится жертвой насилия, ее вынуждают уйти из школы, она останавливается в шаге от края крыши. В финале рассказа героиня объединяется с еще одной жертвой Аарона, и девочки сами становятся «троллями», а Аарон – их жертвой. Но изменение роли небезобидно, в первую очередь, для бывшей жертвы. Варя сильно изменилась: доверие к миру, вера в справедливость подорвана, возвращение к себе прежней невозможно.

Еще большими потерями сопровождается переход во взрослую жизнь героев рассказа Л. Романовой «Мы приговариваем тебя к смерти». Если в предыдущем рассказе сюжет определялся историей адаптации новичков к реалиям новой школы, то в произведении Л. Романовой читатель подключается к давно сложившимся отношениям десятиклассников. Сюжет динамичен, повествование ведется от лица двух героев-одноклассников – Миши Нефедова и Саньки Морозова. Родившиеся в один день, они ни в чем не похожи: Нефедов рыхлый, флегматичный, интровертный, декламирующий «про себя» стихи Есенина, тонко чувствующий природу, а Морозов «высокий, красивый», «играет на гитаре и поет про вечную любовь», спортивный. Роли давно распределены: изгой по кличке Ньюфа и лидер Мороз.

Исследуя характер аутсайдерства, Романова акцентирует внимание на его иррациональной природе. Так, Нефедова все считают «ботаном», но он «учится так себе», а Морозов – признанный лидер, казалось бы, у него нет необходимости доказывать свое первенство унижением другого. Травля настолько продолжительна, что ее участники освоили свои роли: Ньюфа уже знает, что «в такие моменты не нужно ничего доказывать», нужно «молчать и ждать, когда им надоест» (Беринг, Романова 2014: 16), а Мороз придумывает все более изощренные способы унижить своего врага. Благодатной почвой для травли становится полное равнодушие взрослых (их отсутствие в рассказе показательно), пассивное поведение класса, чье неучастие дает поддержку Морозу и компании.

Неуправляемый характер травли предопределил непредсказуемое развитие сюжета. Рассказ начинается интригуяще: «Я не пошел на его похороны. Нужно было готовиться к лабораторной по химии. Событие не бог весть какой важности. Но заваливать не хотелось. К чему? Ему все равно, а мне еще поступать...» (Беринг, Романова 2014: 9). Далее события развиваются так, что читателю не приходит в голову усомниться в кандидатуре самоубийцы. Нефедов привык к разным «шуткам», жестоким, но до определенного момента школярским (закрыли в шкафу перед уроком, испачкали стул подсолнечным маслом). Все меняется, когда «стая» решает организовать показательную «казнь», обвинив Мишу в воровстве, которое сама же организовала. То, что сначала Нефедов определяет как «театр абсурда», скоро выходит из-под контроля организаторов и оборачивается трагедией. Морозов «не то чтобы собирался прикончить Ньюфу, просто привык всегда добиваться результата», его злит, что тот молчит, а не «воет, умоляя отпустить его к мамочке» (Беринг, Романова 2014: 20). Саня смотрит на Нефедова как на «жертву розыгрыша», не понимая, что переступил грань, прошел «точку невозврата», приговорив человека к повешению, которое тот воспринял как реальное.

Казнь стала поворотным моментом и в сюжете, и в самоощущении героев. Пережив почти реальную смерть, Нефедов утратил способность бояться, «стал своим» в «стае». Морозов же не только потерял авторитет среди одноклассников, но и осознал душевную пустоту, никчемность собственной жизни. Бывшая ровной дорога жизни оборачивается бездорожьем (герой долго плутает по лесу), его накрывает незнакомое доселе чувство страха. Веревка, которую ребята в шутку набросили на шею Ньюфе, метафорически оказывается на шее Морозова: «Накатившая тоска свернулась тугим кольцом и сдавила шею» (Беринг, Романова 2014: 26). Тот с ужасом сознает, что «смерть, в сущности, не самая страшная штука» (Беринг, Романова 2014: 26). Интрига, заданная в первом абзаце рассказа, разрешается в последней главке: Саня Морозов покончил жизнь самоубийством, а Миша Нефедов не хочет идти на его похороны.

Ситуация перевернулась: лидер и аутсайдер поменялись местами, однако для автора рассказа это ничего не решает. Дело не в том, кто изгой, а в том,

что он есть. Кроме того, для Нефедова не случается счастливого освобождения. Он кардинально изменился: стал жестче, циничнее, он даже благодарен Морозову за «полезную ампутацию» («Он убил во мне Ньюфу» (Беринг, Романова 2014: 27)). Вместе с тем очевидно, что «вместе с размазней Ньюфой» герой лишился «чего-то очень важного», до конца еще не осмысленного. Он, например, не верит в то, что Морозов покончил с собой из-за чувства вины, опыт бывшего изгоя подсказывает герою только одну версию: «Саня, привыкший к всеобщему обожанию, так и не смог смириться с падением своей популярности» (Беринг, Романова 2014: 27). Нефедов обживает новую для себя роль лидера, наслаждается ею и не допускает мысли, что в позиции сильного можно испытывать к себе «острое отвращение».

О смерти подростка идет речь и в повести Светланы Волковой «Подсказок больше нет» (2015), вышедшей в серии «Средняя школа №...». Ситуацию изгойства переживает старший брат главного героя Антон. Он вспоминает свои «вечные муки самоутверждения в чужом коллективе», когда его травили как новичка, к тому же самого младшего в отряде, трудолюбивого и спортивно одаренного. Когда в лагере появляется другой новичок, Антон помогает ему. Ильдар Хафизов плохо говорит по-русски и становится объектом насмешек. Изгойство с национальным оттенком – сложный для детской литературы материал, но, бесспорно, актуальный. Ильдар Хафизов, оказавшись в чужой «стае», выбирает путь предательства, мотивы которого очевидны – желание быть «как все», выжить. Антон же получает урок на всю жизнь: «<... > один изгой с животным наслаждением находит еще большего изгоя, над которым так сладко поглумиться, высвобождая собственную подленькую забитую душонку» (Волкова 2015: 218). Ситуация изгойства становится переходным моментом для героя, поведение в ней предопределяет его дальнейшую жизнь. Антон понимает, «что детство кончилось», а во взрослой жизни «подсказок больше нет».

Современная детская литература обратилась также к очень болезненному материалу – положению детей, выброшенных из нормальной жизни в силу особенностей своего развития. Среди произведений, разрабатывающих этот аспект, можно назвать повести Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» (2007), Ксении Беленковой «Я учусь в 4 КРО» (2016), Алисы Рекуновой «Жизнь среди людей» (2015), роман Мариам Петросян «Дом, в котором...» (2009). Писатели ставят вопрос категорично: есть ли место «среди людей» детям с проблемами развития?

Повесть Ксении Беленковой автобиографична, автор по профессии коррекционный педагог. В послесловии к произведению К. Беленкова пишет о том, что «все описанные герои – настоящие» (Беленкова 2016). Время действия – один учебный год жизни коррекционно-развивающего класса. В повести девять глав, каждая написана от лица конкретного ученика. Необходимо отметить, что дети, попавшие в 4 КРО, не нормальные, попавшие в трудную жизненную ситуацию, а действительно с серьезными проблемами, выливающимися в странное поведение на уроке: один все время спит,

другой воображает себя собакой, третья хохочет, четвертый может заорать среди урока и дерется с кулером. Автор предлагает читателю посмотреть на мир глазами своих героев, пытающихся объяснить его в меру своего разумения. Вместе с тем мир повести светлый: автор акцентирует внимание не столько на дефектах героев, сколько на их неиспорченных душах. Они не осваивают элементарных знаний, зато обладают даром сопереживания, богатой фантазией, даром предчувствия, тяжело переживают трагедию, случившуюся с Катей Романенко. В 4 КРО нет аутсайдера, это особый мир, но нельзя не отметить, что класс в школе на особом положении. Детей воспринимают как «ошибку природы». Семейные истории ребят тоже безрадостны. У Марты маму лишили родительских прав из-за пристрастия к алкоголю. У Димы развелись родители, и каждый занят своей личной жизнью. Папа Вовы так занят работой, что ни разу не поинтересовался у сына, выполнил ли тот домашнее задание, а мама Миши «помешана» на вегетарианстве, отчего ее ребенок ходит вечно голодным и отбирает бутерброды у других. Становится понятно, что благополучие этих детей в руках взрослых. По окончании года класс расформируют, и нетрудно догадаться, что ждет таких детей в окружении их «нормальных» сверстников. Один из учеников мечтает о Законе Благородства: «И только сейчас сообразил, что дальше будет только хуже. Это какой-то закон подростки: все плохое когда-нибудь заканчивается, и начинается ужасное. Давно пора изобрести закон Благородства! Он будет гласить – все хорошее когда-нибудь заканчивается, и начинается прекрасное» (Беленкова 2016).

Герой повести Алисы Рекуновой «Жизнь среди людей» страдает болезнью Аспергера, причем долго об этом не подозревает. До момента, как мы узнаем о диагнозе героя, он воспринимается как странный подросток, опережающий в развитии одноклассников. Он не хочет повторения отношений в прежней школе, где его считали «ботаном», и стремится во что бы то ни стало установить контакт с одноклассниками: «Я просто хочу быть как все. Хочу общаться с людьми, дружить, смеяться над чьими-то шутками, говорить впопад. Хочу быть частью чего-то. Чего-то большего, чем я сам» (Рекунова 2015: 52). Естественная потребность в общении, дружбе, любви заставляет Алексея закрывать глаза на явно недружеское поведение новых одноклассников, пользующихся возможностью проводить время в его квартире. Однако, как бы герой ни старался «жить среди людей», он слишком отличается от других, чтобы не стать изгоем. Ситуация осложняется семейным аутсайдерством. Мать слышать не хочет о диагнозе сына, отец не оказывает поддержки, бабушка называет внука «недоделанным», отчим считает избалованным и бьет.

Повесть демонстрирует особенности мировосприятия, мышления аутиста, однако не это оказывается главным. Отстраненность героя позволяет автору показать, как люди строят отношения друг с другом, увидеть неприглядную действительность, воспринимаемую как норму. Оказывается, что любому герою-подростку есть что скрывать: семейное неблагополучие,

неуспеваемость по школьным предметам, слабоволие и пр. Становится понятным, что каждый проходит путь обретения своей идентичности в одиночку, методом «проб и ошибок», но все стремятся к одному – «жить среди людей» и вместе с ними.

Острота постановки вопросов об утрате способности к пониманию и состраданию во взрослом мире и редукции человеческого – то, что отличает современную детскую прозу. Критики, анализирующие ее состояние, констатируют, что сегодняшняя школа «оказалась страшнее школы тоталитарной и советской» (Черняк 2010: 17). Современная проза обнажила «социальную бездну, в которую заглядывают уже и без всякого ужаса, просто по привычке к тому, что ничего нельзя изменить» (Лебедушкина 2009). Жесткая литература о школе и детях – попытка объективного и трезвого анализа мира и общества, которые ничего не могут предложить человеку – ни общественных, ни общечеловеческих ценностей. Отсюда – невозможность решения проблемы: писатели, привлекая внимание к ситуации аутсайдерства, не предлагают никаких социальных механизмов ее преодоления.

Литература

- Арзамасцева, И.Н. (1997). *Детская литература: учебное пособие для студентов средних педагогических учебных заведений* / И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. Москва: Издательский центр «Академия». 448 с.
- Барковская, Н.В. (2014). Проблема дискурсивного конфликта в современной детской литературе. *Педагогическое образование в России*. № 5. С. 140–144.
- Беленкова, К. (2016). *Я учусь в 4 КРО*. Доступен на 26.02.2018: <http://kniguru.info/ya-uchus-v-chetvyortom-kro>
- Беринг, Т., Романова, Л. (2014). *Детки*. Москва: БерИнга. 120 с.
- Волкова, С. (2015). *Подсказок больше нет*. Москва: Издательство АСТ. 318 с.
- Кутейникова, Н.Е. (2017). *Навигатор по современной отечественной детско-подростковой и юношеской литературе: методические рекомендации*. М.: МАЭСТРО ПлаТинум. 158 с.
- Лебедушкина, О. (2009). Возвращение лузера. О любимчиках и пасынках «нового производственного романа» –2. *Дружба Народов*. № 11. Доступен на 26.02.2018: <http://magazines.russ.ru/2009/11/le18-pr.html>
- Рекунова, А. (2015). *Жизнь среди людей*. Москва: Издательство АСТ. 442 с.
- Черняк, М.А. (2010). Школа как диагноз: опыт современной прозы. В: *Детская литература сегодня: сб. науч. ст.* Екатеринбург: УрГПУ. С. 7–17.

Autsaiderisma estētika mūsdienu bērnu literatūrā

Mūsdienu krievu bērnu literatūrā ir vērojama interese par marginālām parādībām. Autsaiderismu var radīt dažādas situācijas: ķermeņa stāvoklis, sociālais statuss, nacionālā identitāte u. c. Mūsdienu krievu sabiedrībā ir augsts konflikta līmenis un nav vienota vērtību lauka. Bērnu literatūra, reaģējot uz šādu situāciju, uzmanības centrā izvirza atraidītā bērna tēlu. Autoru stratēģija: jāpārvar autsайдера uztveres stereotips, to dabīgi socializējot.

Outsider aesthetics in modern children's literature

All modern Russian children's literature is interested in studying the marginal. The situation of rejection can be caused by different reasons: physical condition, social status, national identity, etc. The interest in this problem is stirred by a high degree of conflict in modern Russian society and the absence of a single homogeneous value field. Children's literature also responds to this situation by examining the figure of an outcast child. The author's strategy is obvious: it is necessary to debunk the outsider stereotype by naturalizing it.